
СЕРГЕЙ АГАЛЬЦОВ

“Поэт должен отвечать за каждое написанное слово”

(кое-что по поводу гибели и пророчеств Анатолия Передреева)

Препровождая мои вирши заведующему отделом поэзии “Нашего современника” Ю. П. Кузнецову, главный редактор журнала Ст. Ю. Куняев написал на рукописи: “Юра! Это преданный друг и ученик Передреева”, – видимо, для того, чтобы требовательнейший Кузнецов был посписходительнее ко мне.

“...Преданный друг...”. Не скрою – конечно, такая характеристика лестна и приятна. Но заслужил ли я ее, такую характеристику?

Ну, часто и коротко общался с поэтом в последние годы его жизни. Составил, отредактировал и издал в “Современнике”, где работал в редакции литератур народов РСФСР, после смерти Анатолия Константиновича, книгу “Лебедь у дороги”, вобравшую в себя все оригинальные стихотворения, лучшие, на мой взгляд, переводы, заметки о поэзии, критические статьи замечательного русского поэта. Издал, кстати сказать, при одобрении тогдашнего директора издательства “Современник” Леонида Анатольевича Фролова и при активной поддержке заведующей отделом рекламы издательства Татьяны Васильевны Столповской, обеспечившей по тому времени, когда тиражи поэтических изданий падали, немалый тираж в 15 тысяч экземпляров. Разве на моем месте это не сделал бы любой издательский работник, друживший с поэтом и любивший его творчество?

К слову, вначале предполагалось другое название книги: “Вечности медленный ветер” – по строке Передреева. В названии – приобщение поэта к вечности, слияние с ней. Но все решил телефонный звонок уважаемого Вадима Валериановича Кожинова: “Почему вы не хотите считаться с желанием вдовы поэта?” Потом я узнал от Шемы Алиевны Передреевой, что новое, иное название – “Лебедь у дороги” – просила дать книге жена Кожинова Елена Владимировна Ермилова, которой в день ее рождения Анатолий Передреев подарил одноименное стихотворение. Немного поупорствовав, я в конце концов сдался. А зря. Надо было настоять на своем. А к стихотворению сделать сноску: подарено Е. В. Ермиловой в день ее рождения. Думаю, все были бы довольны, и ненужные страсти вокруг названия, наверное бы, улеглись.

...“Ученик Передреева”... Ученик ли? Назвал бы Передреев, будь он жив сегодня, меня своим учеником? Это большой вопрос. А еще больший – если ученик, то достоин ли ученик, достоин ли подмастерье Мастера?

Всякий раз, когда меня называют учеником большого русского поэта – мучаюсь этими вопросами. Не смущаю, не тревожу ли его тень? Не компрометирую ли я – Боже упаси! – своими виршами Учителя, каковым всегда считал, считаю и буду считать Анатолия Константиновича Передреева? И раньше читал и перечитывал и сейчас внимательно вчитываюсь в строки поэта, учась у него стихотворному мастерству.

Собственно, преподавал Учитель мне всего один урок, но этого, по слову Смелякова, “урока мне хватило слишком”, я запомнил его на всю жизнь.

Однажды я, как сейчас часто говорят, просто “достал” Передреева настойчивыми, если не сказать назойливыми, просьбами разобрать, проанализировать мои вирши. Он усмехнулся, взял рукопись, положил перед собой. И разобрал! Что называется, по строчкам. Камня на камне от них не оставил, доведя меня, далеко уже не мальчика, даже не юношу, смешно теперь сказать, до слез. Слабо защищаясь и оправдываясь за неумелые строки, я лепетал, что доделал бы, доработал бы, довел их до ума вместе с редактором – у меня тогда готовился к изданию, к выходу в свет небольшой, объемом в один печатный лист, сборник в “Молодой гвардии”.

– Нет, – отчеканивая каждое слово, оборвал меня Передреев, – ты все должен делать **сам**, без редактора.

А спустя некоторое время мы у меня дома слушали “Поэтическую тетрадь” (была тогда такая хорошая передача на радио). Анатолий Константинович читал в ней свои стихи и отвечал на вопросы радиожурналиста. Навсегда врезалась в память произнесенная Передреевым в эфир фраза: “Поэт должен отвечать за каждое написанное слово”.

Изо всех сил стараюсь работать по завету поэта. Получается ли?.. Судить не мне.

...К одной из годовщин рождения или смерти Передреева – сейчас уже не припомню – предложил в “День литературы” свои заметки и воспоминания о поэте вместе с подборкой его хрестоматийных стихотворений, ориентируясь на молодых читателей и поэтов, многие из которых, увы, почти не знакомы или вовсе не знакомы ни с жизнью, ни с творчеством Передреева. Но ни воспоминания, ни стихи так и не были напечатаны, не увидели света. В. Бондаренко отрезал: “Надо печатать живых и о живых!”. Я подумал: может быть, он прав? Хотя все-таки вспомнил бы строки Передреева о Николае Рубцове, который...

*...при жизни
о мертвых думал, как никто другой.*

Думаю, критику и редактору газеты “День литературы” принять эти слова к сведению не мешало бы и в то время. Ведь через несколько лет опубликовал же он “воспоминания” А. Тер-Маркарьяна о Передрееве, правда, не потрудясь вчитаться в них. Очень жаль! Ведь под пером “воспоминателя” Анатолий Передреев предстает чуть ли ни фигляр, шутком гороховым.

Статья Передреева “О времени или о себе?..”, об “истории создания” которой “рассказывает” в своих “воспоминаниях” Тер-Маркарьян и в которой Анатолий Константинович блистательно “разбирается” с чуть ли не программным стихотворением Евтушенко “Долгие крики”, проходила в “Литературной газете” непросто, даже трудно. Сначала в редакции советовали, а потом чуть ли не ультимативно потребовали добавить к анализу евтушенковского стихотворения разбор стихов и других поэтов. В результате Передреев заодно крепко “приложил” за слабые и безвкусные стихи Шкляревского, Фирсова и Богучарова.

А что “вспоминал” Тер-Маркарьян? Будто бы сидящий в буфете ЦДЛ Передреев (уж не подвыпивший ли? – подумает читатель) чуть ли не от нечего делать пригрозил вслед проходящему Евтушенко: “Погоди. Я до тебя доберусь!” Заметив Фирсова, процедил: “Дождешься у меня...”. А Шкляревского прямо-таки огорошил: “И тебе, Игорек, достанется!” И якобы вскоре после этого устроил им разгром в “Литгазете”. А статья-то была о серьезном, была “о том удивительном явлении, когда поэт говорит вроде бы о чем-то важном для всех и для многих, а в конечном счете оказывается, что он озабочен только собой”.

Вот она во всей красе – “посвящений и воспоминаний дрянь”. Иного про “воспоминания” Тер-Маркарьяна и не скажешь.

А мои заметки об Анатолии Передрееве, кстати, охотно напечатал в “Исторической газете” Анатолий Парпара, попросив дополнить их еще и рассказами о том, как Анатолий Константинович любил Есенина.

Передреев был не только близким другом, но и учителем Рубцова, по признанию самого Николая Михайловича, о чем говорил мне В. В. Кожин.

Сейчас появилось немало воспоминаний о Н. Рубцове, и трудно определить в воспоминательном, мемуарном потоке, что в них правда, а что вымысел, отделить происходившее в реальности от придуманного, вымышленного, нафантазированного.

Один из мемуаристов, поведав, как они с Рубцовым чуть ли не из одной тарелки и не с одной ложки хлебали щи под водочку, глубокомысленно, тоном, не терпящим возражений, заключает, что среди них, хлебателей и прихлебателей, Рубцов чувствовал себя комфортнее, уютнее-де ему было с ними, подлинными целителями его дара, чем среди уже известных, признанных тогда литераторов, в кругу которых поэту доводилось вращаться.

А знает ли он, что когда Рубцов пел им под гармошку свои песни и кое-кто из них принимал его за юродивого, — именно уже признанный Передреев, случайно услышав в общежитии Литературного института в исполнении Рубцова “Осеннюю песню” (“Потонула во мгле отдаленная пристань...”) и узнав, кто ее автор, буквально затащил поэта к себе и заставил всю ночь читать стихи, а потом повел его на Всесоюзное радио — записываться. Замечу, что сам Передреев по радио своих стихов еще не читал, а записал их значительно позже.

Он же повел Рубцова с его рукописью в издательство “Советский писатель” к Егору Исаеву. Прочитав “Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...”, тот спросил Рубцова: “Гекзаметр?” — “Да”, — ответил Рубцов и вышел из кабинета редактора, оставляя после себя на ковровой дорожке, к удивлению последнего, следы от мокрых валенок. Через некоторое время рукопись превратилась в книгу “Звезда полей”, названную Рубцовым так по совету Передреева. “Назови, назови “Звезда полей”, — настаивал он.

И вот как-то ранним утром, проведя бессонную ночь в труде после очередного разговора о названии, Рубцов зашел к Передрееву и прочитал стихотворение “Звезда полей”, вошедшее в первую московскую книгу Рубцова с таким же названием, ныне известным всем любителям русской поэзии.

Помню, как не выдержал и ушел Анатолий Константинович с одного литературного вечера, на котором выступавшие — писатели, знакомцы Рубцова, — наперебой, словно соревнуясь друг с другом, вещали залу, кто из них сколько дал Рубцову денег. “Рубль!”, “Три!”, “Пять!”, “Десять!” — неслось со сцены. Словно ставки выкрикивали в игорном доме. Кто больше?

Прочитал в одних воспоминаниях, что Передреев не дал однажды Рубцову, обратившемуся к нему, рубль...

Надо ли говорить, что Анатолий Передреев дал Николаю Рубцову нечто большее, чем деньги? Нечто нематериальное, невещественное, трудно уловимое, что дороже было Рубцову даже при его материальной скудости и безденежье. Дороже как творцу, как поэту.

Анатолий Передреев поделился с Рубцовым своим духовным, литературным, поэтическим багажом, богатством своей души — светлой, чистой, ничем не замутненной. Дал мысли, идеи и темы для творчества, для стихов — о стихотворении “Звезда полей” я уже говорил. А разве тематически, эмоционально не перекликаются “Голубой велосипед” Передреева и стихотворение Рубцова “Букет” (“Я буду долго гнать велосипед...”), ставшее сегодня всем известной песней? А как органично, глубинно связаны передреевская “тихая земля” и рубцовская “тихая моя родина”! Конечно, рождалась и обратная связь, поэты, безусловно, обогащали друг друга.

Повторюсь, многое, может быть, известное людям старшего поколения, пишу для молодых литераторов и читателей, мало или вовсе не знакомых с творчеством поэта. Ведь стихи А. Передреева сейчас практически не переиздаются.

И до гибели Передреева, и потом критики спорили, прямо как Бобчинский с Добчинским, кто раньше сказал “Э”? Кто ввел в литературный обиход, в обращение термин “тихая лирика”? Да после воистину тихой (но и глубокой!) поэзии, “тихой лирики” Анатолия Передреева он не мог не появиться на свет, возник как бы сам собой. Так что Передреев и родил его — своим тихим, несуетным творчеством, своими замечательными стихами, в которых слова “тишина”, “тихий” едва ли не основополагающие.

* * *

*Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаям свежесть полей,*

И тишиной, и речкой, и лесами...

* * *

*Пока не понял я, что в мире —
Луна. Равнина. Тишина.*

* * *

*Кричит петух...
И вот из дальней дали
Пахнет дымком и сеном тишина...*

* * *

*На тихом откосе песчаном
Я снова увидел тебя...*

* * *

*Зачем ты снова, как с повинной,
У всей округи на виду,
Стоишь на улице пустынной,
Встречаешь тихую звезду?
И в тишине ее призывной
Опять душа твоя полна
Какой-то грустью неизбывной,
Мерцаньем дальнего холма.*

* * *

*И в тишине его (сада. — С. А.) ветвей,
Во всей его округе
Воронье карканье слышней
И завыванье вьюги.*

* * *

*Ты снова вспомнишь тишину
И край родной... И даль... И дымку...*

* * *

*Я видел, как дол расстилался за долом,
Какой-то сплошной тишиной заколдован...*

* * *

*Красавица,
Глупыш,
Трусиха-ланы!*

*Тихоня,
Неженка с пугливыми глазами.*

* * *

*...Меж вами — тобой и зарей —
Только тихая эта отрада.*

Он родил этот термин — “тихая лирика” — ключевой для понимания всей поэзии “тихих лириков” (да не всей ли поэзии вообще?) фразой в рецензии на “Звезду полей” Николая Рубцова: “В книге, если только она производное души поэта, а не просто сгустки слуховой и зрительной информации, должна стоять тишина, подобная тишине глубокой чистой реки, в которой отражается окрестный мир”.

...Господи! Чего только не услышишь в книгах и стихах сегодня: шум, гам, тарарам, ор, вопли, брань, ругань — словом, все, кроме необходимой подлинным стихам тишины, несуетности. И “правые”, и “левые”, и те и другие, за редким исключением, кричат в стихах, пестрящих лозунгами, призывами идти или с молитвой, или с мечом за Россию, за Святую Русь или против России. На этом фоне стихи Анатолия Передреева сейчас поистине дорогого стоят. Взять хотя бы, к примеру, его стихотворение “К Отчизне”, которое ценней многочисленных зарифмованных томов.

*Из века в век тебя пытались сжечь
И растоптать...
Но силою неведомой
Свой лик сберечь сумела ты
И речь,
И стон свой в песню обратить победную.*

*Как возникать из пепла ты могла
И, возрождаясь, побеждать со славою
Все силы разрушения и зла,
Что рождены историей кровавою?*

*С какою на земле еще страной
Сравнить тебя и в доблести, и горести?
Едва с одной управилась бедой,
Другие мчат, наращивая скорости.*

*И гибли в поле сыновья твои...
Холм возводился, освящая поле то...
Но не спасли все Спасы-на-крови
От крови той, какая будет пролита...*

*Бедя уходит, как кошмарный сон.
Но пред бедой, пока еще неведомой,
Пусть все глуше слышится твой стон,
Не умолкает песнь твоя победная.*

1985 г.

Или “Кавказские стихи”!

*Здравствуй, родина, равнина,
Вся ты на виду!*

*...Кто с отзывчивым талантом
Мчит на твой простор
Так, как будто эмигрантом
Был он до сих пор.*

*Много их, своих привычных,
Тяжких, как недуг,
Заповедных и столичных
Браконьеров душ.*

А теперь уже и своих, и не своих.

*Приведи ее в движенье —
Душу без конца,
Дай постичь мне выраженье
Твоего лица.*

*Принимай меня, как сына,
Под листвою и гром...
Родина моя, равнина,
Необъятный дом!*

* * *

*Слышу гул долины терской
Я издали...
Прижимаю руку к сердцу,
Вот моя рука!*

*Слышу голос Магомета,
Слышу в этот час
Не пророка, но поэта
Твоего, Кавказ.*

*Он твоим долинам служит
И твоим горам...
Нас вовеки не раздружит
Никакой Коран!*

Где сегодня, сейчас он “твой поэт, Кавказ”?
Передреев надеялся, верил, что

*Пересохла речка битвы,
Речка Валерик.
Пересохла речка крови,
Не вскипеть ей вновь...*

Может быть, единственный раз Анатолий Передреев ошибся в своем пророчестве...

... Не заставляют ли тихие, раздумчивые, пророческие, провидческие (о чем еще будет говориться далее) стихи Передреева “достойно, без лишней шумихи” вслушаться, без суеты взглянуть в происходящее на наших глазах, глубоко задуматься над судьбой страны, России? Да они, эти передреевские стихи, привьют больше сыновней любви к “большой” и “малой” родине, чем господствующие, преобладающие нынче демагогические, псевдопатриотические, кликушеские опусы. Кто докажет, что я не прав — пусть первый бросит в меня камень.

Предчувствуя грозящую стране катастрофу, падение, сползание России в пропасть, Передреев писал:

*Свети, как прежде, надо мною,
Не оставляй меня, луна...
Не станет прошлою странюю
Моя прекрасная страна.*

*Не верь, когда обступят тени,
Что там, в мерцанье трав и вод,*

*Она живет во мгле видений
И мертвый водит хоровод.*

*Что все дворы ее, усадьбы
Погасший обнял небосвод,
Что там один, как после свадьбы,
Гуляет ветер у ворот.*

*Что стережет ее пороги
Теперь туман и лебеда,
И все пути ее, дороги
Ведут оттуда — не туда.*

*Что в той стране, давно смиренной,
Лежат снега в мерцанье сна...
И остается незабвенной
Лишь мать
Печальная
Одна.*

Видя, как ускользает, уходит у русских патриотов почва из-под ног, он не раз повторял: “Боже мой, как они проигрывают!” Он всё душой и сердцем предвидел. Публично не выступая, не ввязываясь в словесные схватки, на ошибочный, поверхностный взгляд многих он был, казалось, над схваткой. Но это не так. Передреев много размышлял, думал. Его молчания не понимали даже близкие ему собратья по перу. “Это — дезертирство!” — бросил как-то ему в лицо М. Лобанов. Что мыслил критик о поэте? Может, это:

*Старый солдат. Для примера
Должно его расстрелять?*

Но никакого дезертирства не было и в помине. Разве что смятение, растерянность... Окруженный непониманием, он лихорадочно искал опору в жизни. Но опоры не было. “Что мне остается? — Умереть?” — не раз повторял поэт перед кончиной. Вокруг была пустота.

А ведь

*Русскому поэту
Нужна земля
И Родина нужна.*

Но земля уплывала из-под его ног. И Родины, чувствовал он, скоро не станет.

*Вот она — для сердца и для взора —
Тихая земля...
Неужели вся моя опора —
Молодость моя!*

* * *

*...И все-таки, кажется, выжил,
И, кажется, все же не жил.*

* * *

*В какую я впутался спешку,
В какие объятья попал.
И как я под чью-то усмешку
Душою еще не пропал!*

Передреев искал опору в стране детства:

*Далекого детства округа,
Златая ее лебеда,
Ее колыбельная вьюга,
Ее голубая звезда.*

Нащупывал ее в своих земляках, простых русских людях – жителях этой округи.

*Я с вами, конечно, я с вами,
Другого пути не дано.
Одно у нас время и знамя.
И небо над нами одно.*

И как есенински пронзительной болью пронизаны завершающие, финальные строки “Ностальгии”:

*Моя золотая округа,
Святая моя лебеда.*

Вспоминается, возникает, всплывает вдруг мучительно известное:

Дорогие мои... Дорогие мои... Хор-р-р-ошие.

Не находя опоры себе, он раздумывал над тем, где же она – опора ставшей все сильнее пошатываться России, обращая свои взоры на “деревенскую Русь”:

*К деревне ведет и тропа и дорога.
Еще так богата земля и так много*

*И сил, и красы у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей царевне,*

*Доколе копить ей в полях своих грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!*

*Пора возродить ее силу на свете —
Так пели и травы, и листья, и ветер.*

*Так думали поле, и речка, и лес,
И даль, что смыкается с далью небес.*

*Так думал, наверно, Василий Белов,
Что вез нас по отчему краю без слов.*

*Пора! — это времени слышно вельенье —
Увидеть деревне свое возрождение.*

*А все, что в душе и в судьбе наболело,
Привычное дело, привычное дело...*

А вот – из “Кладбища под Вологдой”:

*Какая-то цистерна или бочка
Ржавеет здесь, забвению сродни...
Осенний ветер...
Опадает строчка:
“Россия, Русь, храни себя, храни...”*

Опадает за ненадобностью, за ненужностью: Россия Русь не сохранила, не сберегла себя. Написано это в 1978 году. Какое роковое пророчество, прорицание, предвидение!

Раньше я не понимал глубинного смысла двух последних строк, видя только красивый поэтический образ. Зато как понимаю теперь!

И снова, еще раз, об истинных друзьях и ценителях Рубцова. Выступая на первом рубцовском вечере в Москве, в Центральном доме литераторов, в начале восьмидесятых, Передреев сказал: “При всем уважении ко многим советским поэтам все же замечу, что после Есенина не было в России поэта, равного Николаю Рубцову”.

Выступление Анатолия Передреева, конечно же, не вошло в телевизионную версию литературного вечера. Вырезали!

Он не раз говорил, что Есенин первый прокричал о гибели Земли Русской. Этому крику не вняли.

...Поэт был отчаянно одинок, находя забвение в вине, подчас забывая творчество. На переводы жить становилось все труднее. А поэзия все же оставалась делом и смыслом всей жизни. “Так хочется написать что-нибудь хорошее”, – повторял он. Кто это чувствовал, понимал? Василий Белов?.. Писатель остановил в Вологде машину у сберкассы и произнес: “Сниму сколько хочешь. Ты знаешь, догадываешься, ради чего... Пиши”. Но – “Передреев горько усмехнулся”...

Станислав Куняев писал:

*Прощай, мой безнадежный друг,
Нам не о чем вести беседу.
Ты вожжи выпустил из рук,
и понесло тебя по свету.
В твоих глазах то гнев, то страх,
то отблеск истины, то фальши.
Но каждый, кто себе не враг,
скорее от тебя подальше.*

Юрий Кузнецов был еще более категоричен, резок и даже беспощаден... Мы приехали на вечер памяти Анатолия Передреева в Электросталь, где некоторое время жил он до переезда в Москву. Когда ведущий предоставил слово мне, я, не зная почему, взглянул на Кузнецова и вдруг вспомнил его стихи “Выходя на дорогу, душа оглянулась...” И пронзило: “Это о Передрееве”. Стихи невольно вырвались из меня и зазвучали на весь зал. Читая их, я поглядывал на Кузнецова. Во время моего чтения глаза Кузнецова жутковато, дьявольски поблескивали, лицо светилось каким-то inferнальным огнем. Я читал наизусть:

*Выходя на дорогу, душа оглянулась:
Пень иль волк, или Пушкин мелькнул.
Ты успел промотать свою чистую юность,
А на зрелость рукою махнул.*

*И в дыму от Москвы до Хвалынского моря
Загулял ты, как бледная смерть.
Что ты, что ты узнал о родимом просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?*

Передреев, о котором были написаны эти стихи, знал “о родном просторе” – впрочем, не смотря на все равнодушно, – то, чего не знал, к сожалению, ни Кузнецов, ни другие литераторы, провидчески знал, предощущал, предчувствовал, что скоро на русском “родимом просторе” закружится в дьявольской, сатанинской пляске русоненавистническая нечисть, “сотворившая себе кумира из темной власти барыша”. О, как ему было горько и одиноко, опять одиноко!

Чем он мог ответить своим литературным, поэтическим соратникам или врагам-“знакомцам”? Только стихами.

И с болью выплескивалось:

*Вот ты идешь
Расчетливой походкой,
Вот смотришь ты
Из трезвости своей,
Моей душой любуясь,*

*Как находкой,
Когда темно и одиноко ей...*

В литературной среде складывается, если, к несчастью, не сложилось устойчивое мнение, что Передреев погиб от чрезмерных излишеств, попросту говоря, от пьянства, что называется, спился вчистую (Ученик – опять ученик! – не повтори судьбу Учителя, – наставляют меня).

“Пьяную” версию печатно закрепил, правда, в намеках, но в довольно прозрачных намеках, искренне почитаемый мной за музыкальный талант автор и исполнитель пронзительных песен на стихи Передреева Александр Васин – в трехтомной “Антологии русского лиризма”. Пусть это останется на его совести. Бог с ним! Когда-нибудь все станет на свои места. В глубине души и сердца тешу себя надеждой, что эти беглые заметки смогут или помогут пролить свет на истинные причины гибели поэта.

Еще раз перечитываю написанное. А надо ли, стоит ли куда-нибудь предлагать? Поймут ли меня люди, к которым относился и продолжаю относиться уважительно? Люди, в общем-то тоже неплохо относящиеся ко мне, даже когда напишу что-нибудь стоящее, публикующие меня. А значение этих публикаций мне трудно переоценить. Они нужны мне, необходимы и как материальная поддержка (живу-то на небольшую скромную пенсию) и как поддержка моральная. После публикаций болезнь отступает. Жизнь становится посветлее, повеселее. А если их не будет, опять – опостылевшие душевный мрак и внутренняя пустота, может быть, снова больница. Но вспоминается Передреев. Я как-то признался ему, что собираюсь, хочу написать о нем. Он, внимательно посмотрев на меня, положил свою руку мне на плечо и сказал: “Есть желание – пиши. Знаю, что плохого, дурного ты не напишешь”.

Эти передреевские слова и ободряют, вселяют надежду, что буду понят. И правильно понят. Так что – еже писах-писах!

На этом позволю себе закончить об Анатолии Константиновиче Передрееве – одной из наиболее трагических и пророчески одаренных фигур русской поэзии середины и конца XX века, поэте с “беззащитной душой”.